

РИСКИ УКЛОНЕНИЯ ОТ НДФЛ В РАМКАХ НАЛОГОВОЙ РЕФОРМЫ 2025 ГОДА

А. А. Пугачев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия

Налоговая реформа 2025 г. повышает риски уклонения от НДФЛ в связи с ростом налогового бремени за счет введения пятиступенчатой прогрессии. Возможности оценки масштабов уклонения от НДФЛ открывают сравнительный анализ динамики макроэкономических индикаторов и поступлений НДФЛ в бюджет, а также анализ результатов социологических исследований. В России под риском уклонения от НДФЛ могут оказаться до 40 % налогооблагаемых доходов. Проведенное исследование свидетельствует о том, что введение пятиступенчатой прогрессии само по себе не окажет существенного влияния на налоговые доходы бюджетов вследствие высокой доли занятости россиян в государственном секторе, а также в крупном и крупнейшем бизнесе, для которых не характерна теневизация; сохранение мягкой прогрессии НДФЛ по нетрудовым пассивным доходам, финансовым операциям; усложнение вывода капитала из России в условиях санкционных ограничений; развитие налогового администрирования. По сравнению с переходом к прогрессии, существенные риски уклонения от НДФЛ несет рост налоговой нагрузки на малый и средний бизнес, более склонный к применению теневых схем.

Ключевые слова: налогообложение, уклонение, поведенческая реакция, НДФЛ, налоговая реформа 2025, справедливость, макроэкономические индикаторы, налоговые вычеты.

Введение

Конфигурация налоговой системы России с 2025 г. является принципиально новой благодаря проведенной налоговой реформе, результативность, последствия и достижение целей которой ученым и практикам еще только предстоит оценить. По масштабу введенных изменений Налоговая реформа 2025 г. является самой значимой с момента формирования в 2000 г. российской налоговой системы в текущем ее виде с принятием Налогового кодекса.

В основу совершенствования налоговой системы с 2025 г. положены три ключевых принципа: справедливость, сбалансированность и стабильность. В этой связи Налоговая реформа 2025 призвана обеспечить реализацию поставленной Президентом Российской Федерации 29 февраля 2024 г. в Послании Федеральному собранию задачи по «справедливому распределению налогового бремени в сторону тех, у кого более высокие личные и корпоративные доходы». Введение пятиступенчатой прогрессии НДФЛ здесь является наиболее значимым и чувствительным для налогоплательщиков изменением. Для доходов до 2,4 млн руб. в год включительно сохранена ставка 13 %, для доходов свыше 2,4 млн руб. до 5 млн руб. в год установлена ставка 15 %, от 5 до 20 млн руб. в год – 18 %, от 20 до 50 млн руб. в год – 20 %, свыше 50 млн руб. в год – 22 %. Введение прогрессивной шкалы НДФЛ, как и любое повышение налогового бремени, несет риски наращивания

масштабов уклонения от налогообложения. Подход к оценке этих масштабов является нетривиальным и дискуссионным вопросом, даже в будущем, когда в распоряжении исследователей появится соответствующая налоговая статистика. Сегодня, как и до реформы, мы можем оценивать риски уклонения от НДФЛ в рамках проведенной реформы.

Цель исследования – оценка рисков уклонения от НДФЛ в результате поведенческой реакции налогоплательщиков на введение прогрессивной шкалы в рамках Налоговой реформы 2025.

Поведенческие реакции уклонения от налогообложения: экономические и неэкономические факторы

В современной финансовой науке налоговое поведение рассматривается как составляющая экономического поведения и финансового поведения хозяйствующих субъектов, которое воплощается в соблюдении налогового законодательства в рамках исчисления и уплаты налогов, а также взаимодействия налогоплательщика с налоговыми органами [1, с. 5]. В рамках изучения налогового поведения ключевым является вопрос уклонения от налогообложения. Поведенческая реакция уклонения от налогообложения – это повышение уровня уклонения от налогов в результате воздействия на налогоплательщика внешних факторов [2, с. 142].

Интеграция поведенческой концепции в финансовую науку позволила получить новые

результаты о том, что на уклонение от налогообложения воздействует не только экономические или рациональные, но и неэкономические (иррациональные) факторы, такие как нравственность, восприятие справедливости, социальные нормы, традиции и др. Среди экономических факторов наиболее значимыми являются высокие налоговые ставки для богатых и несущественность наказания за уклонение от налогов [3, с. 184-185]. Склонность к уклонению от налогов может зависеть от усилий, приложенных налогоплательщиком для получения дохода: с ростом усилий она растет [4]. Кроме того, уклонение от налогообложения может стать институциональной ловушкой, когда издержки полного декларирования доходов превышают издержки, связанные с уклонением от уплаты налогов [5, с. 230]. Интерес представляет отмеченный исследователями для Мексики поведенческий эффект роста возможной налоговой ставки при опережающем ее повышении для богатых: ставка подоходного налога, которую готов платить небогатый налогоплательщик-респондент, возрастет на 2,3 п.п. или на 19 %, когда ему сообщают, что богатые будут платить 60 % вместо действующих 30 % [6].

Важно, что поведенческая реакция уклонения от подоходного налогообложения неоднородна для различных доходных групп налогоплательщиков, поэтому налоговое поведение богатых необходимо оценивать обособленно [7]. Так, для Испании установлено, что уклонение от подоходного налога достигает 20 %, и сконцентрировано оно в верхних децильных группах [8, с. 101]. В скандинавских странах на основе данных, «утекших» из финансовых структур в офшорах, выявлено, что 0,01 % наиболее состоятельных домохозяйств уклоняются от уплаты 25 % налогов [9, с. 2094]. На основе данных налоговых деклараций в США идентифицированы схожие результаты [10].

Традиционно дискуссионным вопросом является выбор между пропорциональным и прогрессивным налогообложением граждан. Для США в рамках исследования кривой Лаффера для трудового подоходного налога установлено, что максимум налоговых поступлений в бюджет может вырасти на 7 %, если действующую прогрессивную ставку подоходного налога заменить плоской [11, с. 1343]. Снижение подоходного налога для наиболее обеспеченных налогоплательщиков повышает их стимул к труду, что приводит к росту доходов, а на макроэкономическом уровне – к наращиванию возможностей для инвестиций [12, с. 683].

В России одним из аргументов приверженцев плоской шкалы НДФЛ со ставкой 13 %, действовавшей 20 лет с 2001 по 2021 гг., является общее обесценивание экономики и снижение масштабов уклонения от НДФЛ [13, с. 115], в качестве иллюстрации которого приводится реальный рост поступле-

ний НДФЛ при переходе от прогрессивной к плоской шкале в 2001 г. на 27 %. Однако, этот тезис необходимо рассматривать в сочетании с анализом совокупности макроэкономических индикаторов для определения объективных последствий перехода к плоской шкале подоходного налога в России. Попытка такой оценки будет дана ниже.

Субъекты уклонения от НДФЛ: налоговые агенты и налогоплательщики

Важнейшим катализатором сокрытия доходов наемных работников от налогообложения являются завышенные тарифы страховых взносов [14, с. 36]. В связи с этим важнейшим является вопрос о том, кто же в большей степени ориентирован на уклонение от НДФЛ – непосредственно налогоплательщики-физические лица или работодатели как налоговые агенты. По данным налоговой статистики ФНС России, в 2021-2022 гг. 70-75 % доходов от НДФЛ формируют перечисления налоговых агентов, а 25-30 % формируют самостоятельно декларируемые налогоплательщиками доходы. Рассмотрим структуру налогооблагаемых доходов в разрезе наиболее существенных видов (рис. 1). Столбцы, отражающие те доходы, по которым НДФЛ перечисляется в бюджет налоговыми агентами, отмечены светлой заливкой, а столбцы с доходами, самостоятельно декларируемыми налогоплательщиками, – темной заливкой.

Около 40 % доходов по НДФЛ, декларируемых налоговым агентом, формирует фонд оплаты труда. Именно по нему сосредоточены высокие риски косвенного уклонения от НДФЛ, сопряженного с уклонением от страховых взносов. Отметим, что эти риски сосредоточены, прежде всего, в малом и среднем бизнесе, поскольку в государственном секторе уклонение от НДФЛ ограничивается собственниками в лице государства, а крупный и крупнейший бизнес избегает соответствующих налоговых рисков, стремясь к прозрачности и прозрачности в рамках налогового контроля и налогового мониторинга [15, с. 188]. Доля занятых в малом и среднем бизнесе в России в 2020–2023 гг. составляла 33-43 %¹. Высокие заработные платы, в том числе подпадающие под вводимую с 2025 г. прогрессию, сосредоточены в крупном, крупнейшем бизнесе и государственном секторе, что сдерживает масштабы уклонения от НДФЛ. Соответственно, от 40 % налогооблагаемых доходов, формируемых заработной платой, под риском косвенного уклонения от НДФЛ могут быть 30-40 % при уклонении работодателями от страховых взносов, что составляет 10-15 % в общей структуре налогооблагаемых НДФЛ доходов. Результативным сдерживающим уклонение от НДФЛ фактором здесь представляется развитие налогового контроля соответствия доходов и расходов налогоплательщика.

¹ Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей / ЕМИСС (государственная статистика). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61171> (дата обращения: 10.04.2025).

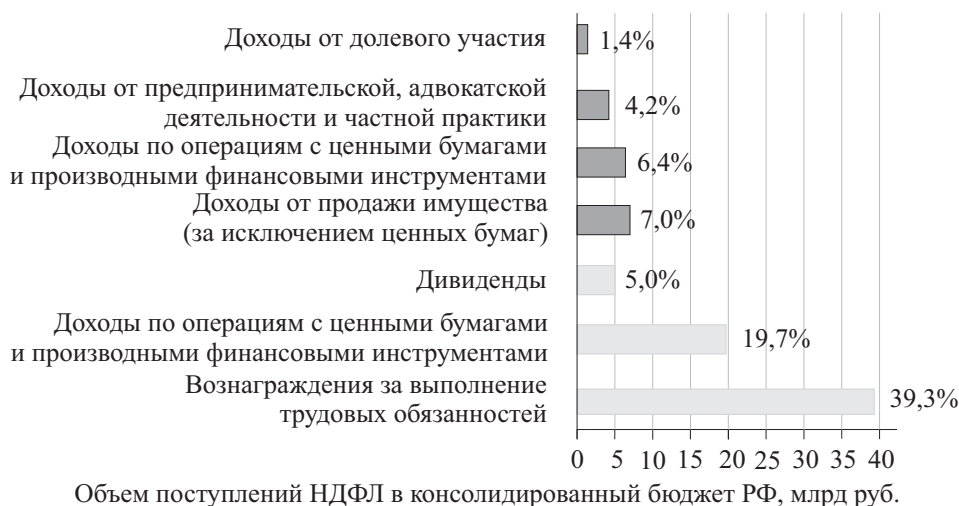


Рис. 1. Структура налогооблагаемых НДФЛ видов доходов в 2022 г., млрд руб.²

Самостоятельно декларируемые доходы, прежде всего, представлены в настоящее время доходами по операциям с ценными бумагами и производными финансовыми инструментами, доходами от продажи имущества, а также от предпринимательской, адвокатской деятельности и частной практики. Соответственно, эти виды доходов аккумулируют риски прямого уклонения от НДФЛ [16, с. 162]. В общей структуре налогооблагаемых НДФЛ доходов они формируют 25-30 %. Ограничениями для уклонения здесь служат инструменты налогового контроля и администрирования, а также необходимость государственной регистрации сделок с недвижимостью и транспортными средствами. Перспективным сдерживающим уклонение НДФЛ фактором представляется ограничение на расчеты наличными между гражданами сверх определенной суммы, например, 100 тыс. руб., по аналогии с соответствующим ограничением для юридических лиц.

Возможности оценки уклонения от НДФЛ: анализ макроэкономических индикаторов и социологических опросов

Поскольку оценка масштабов уклонения от НДФЛ является задачей, не имеющей однозначного решения, исследователями предлагаются различные инструменты. Возможности такой оценки открывает сравнительный анализ динамики макроэкономических индикаторов и динамики поступлений НДФЛ в бюджет. К таким индикаторам для НДФЛ относятся: налоговые доходы бюджета, ВВП, средняя номинальная начисленная заработная плата, денежные доходы населения, денежные доходы населения за вычетом социальных выплат, уровень занятости и др.

Рассмотрим соотношение реальных темпов роста поступлений НДФЛ в бюджет с реальными темпами роста налоговых доходов в целом и ВВП (рис. 2).

Реальные темпы роста поступлений НДФЛ в бюджет (2001 г. – 127,1 %, 2002 г. – 126,2 %, 2003 г.

– 115,9 %) были выше реальных темпов ВВП и налоговых доходов в целом. В 2004 г. темпы роста налогов и ВВП превысили темп роста НДФЛ. В 1999 г. и 2000 г. также поступления НДФЛ прирастали медленнее, чем налоговые доходы и ВВП, хотя и существенными темпами: НДФЛ 1999 г. – 136,5 %, 2000 г. – 125,7 %, налоговые доходы 1999 г. – 148,5 %, 2000 г. – 142,9 %, ВВП 1999 г. – 152,6 %, 2000 г. – 127,7 %.

Введение плоской шкалы НДФЛ обеспечило опережающий прирост его поступлений в бюджет, однако это обусловлено и другими факторами, а именно снижением других налогов: ставки налога на прибыль организаций в 2001 г. с 35 % до 24 %, введением регрессии по ЕСН. Высокие темпы роста всех макроэкономических индикаторов обусловлены выходом российской экономики из кризиса и устойчивым экономическим ростом в период 1999-2007 гг.

В 2021 г. реальный темп роста налоговых доходов (125,3 %) и ВВП (116,4 %) существенно превысил темп роста НДФЛ (104 %). Это произошло вследствие эффекта низкой базы 2020 г., когда ВВП и налоговые доходы существенно сократились вследствие коронакризиса: реальный темп роста налоговых доходов в 2020 г. составил 88,1 %, а ВВП – 93,6 %. На этом фоне НДФЛ в 2020 г. продемонстрировал реальный темп роста 102,5 % и устойчивость к экзогенным шокам. В 2022-2023 гг. темпы роста рассматриваемых индикаторов выровнялись [17, с. 961].

Таким образом, оценка масштабов уклонения от НДФЛ на основе макроэкономических индикаторов в динамике демонстрирует, что при переходе от прогрессивной шкалы НДФЛ к плоской в России с 2001 г. эффект «обеления» зарплат и сокращения теневой экономики нельзя считать существенным. При введении с 2021 г. мягкой прогрессии НДФЛ со ставкой 15 % для доходов свыше 5 млн руб. в год эффект уклонения также был несущественным.

² Источник: составлено автором по сведениям ФНС России «Данные по формам статистической налоговой отчетности». URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 10.04.2025).

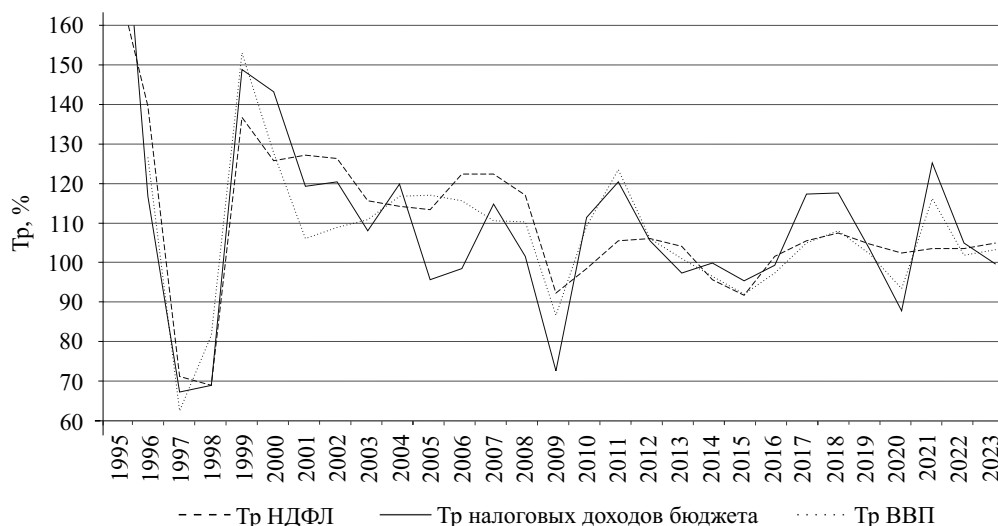


Рис. 2. Динамика реальных темпов роста поступлений НДС в бюджет, налоговых доходов бюджета и ВВП России, 1995-2023 гг.³

Социологические опросы, популярные за рубежом, в качестве метода оценки рисков уклонения от налогообложения, показывают, что большинство россиян не допускают уклонения от НДС. В 2022 г. 70 % респондентов на вопрос о том, пытаются ли снизить свои налоговые платежи, ответили отрицательно. Ясно, что из 30 %, ответивших положительно, часть реализуют это легальными способами, а часть уклоняются от налогов. Интересно, что в разрезе доходных групп распределение респондентов практически соответствует выборке в целом. Это свидетельствует о том, что уклонение от налогов не зависит от величины дохода. Такая закономерность, идущая вразрез с указанными

выше, установленными зарубежными исследователями, обусловлена действием до 2021 г. в России плоской шкалы. Распределение ответов респондентов по снижению налоговых платежей в разрезе доходных групп представлено на рис. 3.

Уровень уклонения россиянами от налогов снижается по сравнению с 1990-2000 гг. В 2005 г., то есть в период действия плоской шкалы НДС, 59 % респондентов ВЦИОМ⁵ отвечали, что не уклоняются от налогов. В 1998 г. – 61 %, т.е. на 2 п.п. больше, чем после введения плоской шкалы НДС. В целом за 20-25 лет в России число пытающихся уклониться от налогов граждан сократилось на 10 п.п.

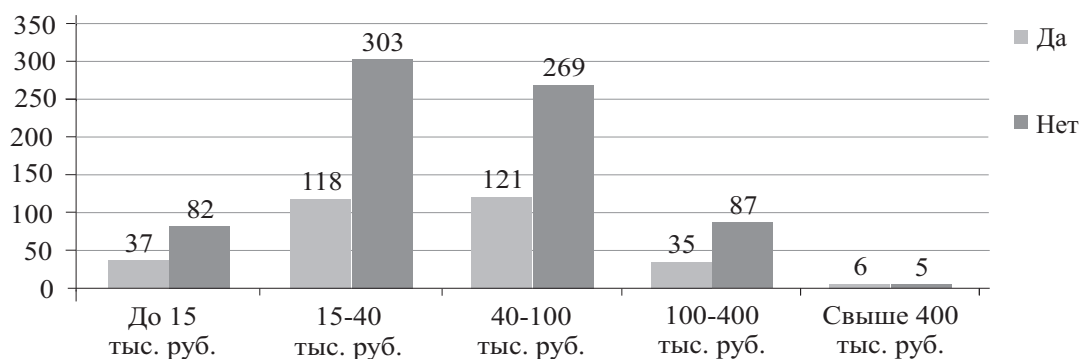


Рис. 3. Количество ответов респондентов на вопрос «Пытаетесь ли Вы снизить свои налоговые платежи?» в разрезе доходных групп⁴

³ Составлено автором по следующим источникам: 1) «Начисление и поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации» / ЕМИСС (государственная статистика). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42547> (дата обращения: 11.04.2025); 2) «Национальные счета» / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts?print=1> (дата обращения: 11.04.2025).

⁴ Источник: составлено автором по результатам социологического исследования [17, с. 967].

⁵ Нужно ли платить налоги? / ВЦИОМ (публикация от 23.05.2005 г.). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obzory/nuzhno-li-platit-nalogi> (дата обращения: 12.04.2025).

В связи с этим для сравнения интересен результат социологического исследования в США, согласно которому американские налогоплательщики в подавляющей части (более 79 %) считают исполнение налоговых обязательств гражданским долгом перед страной и соотечественниками, источником гражданского достоинства и политического статуса личности, а уклонение от исполнения этой обязанности – морально неприемлемым [16, с. 111].

Таким образом, анализ результатов социологических исследований также может служить для индикативного определения масштабов уклонения от налогообложения.

Риски уклонения от НДФЛ вследствие Налоговой реформы 2025

Поведенческая реакция на введение пятиступенчатой прогрессивной шкалы НДФЛ последует неизбежно, как и на любое повышение налоговых ставок. Вопрос вызывает оценка потенциальных масштабов такого уклонения. Проведенный анализ позволяет предполагать, что значительного влияния на поступления НДФЛ в бюджет эта поведенческая реакция не окажет, благодаря следующим ключевым демпфирующим ее факторам.

А. Необходимость самостоятельной подачи деклараций по налогооблагаемым НДФЛ в основном обусловлена финансовыми операциями. Однако развитие их налогового администрирования и тот факт, что новая пятиступенчатая шкала на них не распространяется, позволяет оценивать риски нарастания уклонения от НДФЛ как несущественные.

Б. Наиболее значимые риски уклонения от уплаты НДФЛ работодателями как налоговыми агентами сосредоточены в секторе малого и среднего бизнеса, который охватывает только 30–40 % занятых, доля которых в налогооблагаемых доходах еще ниже.

В. Развернувшаяся политика антироссийских санкций существенно ограничила возможности и целесообразность вывода российских капиталов за границу.

Г. Большинство россиян (70 %) не пытаются уклоняться от уплаты налогов, что фиксируют результаты социологических исследований.

Д. Система налогового контроля и администрирования постоянно совершенствуется. Современные инструменты ФНС России по своей результативности многократно превосходят инструменты, используемые в 90-е годы, на которые пришелся расцвет теневой экономики. Однако остается значительным потенциал налогового администрирования рентных доходов от собственности.

Риски уклонения от НДФЛ в значительной мере провоцируются не введением прогрессии НДФЛ, а ростом ставки налога на прибыль до 25 % и внедрением НДС для компаний на УСН. Именно субъекты малого и среднего бизнеса сегодня чаще прибегает к занижению налоговой базы посредством применения различных теневых схем.

Заключение

По результатам проведенного исследования сформулированы следующие выводы.

1. Поведенческая реакция уклонения от налогообложения – это повышение уровня уклонения от налогов в результате воздействия на налогоплательщика внешних факторов. К этим факторам относятся экономические или рациональные, прежде всего, налоговые ставки, санкции за нарушение налогового законодательства и неэкономические или иррациональные факторы, такие как нравственность, восприятие справедливости, социальные нормы, традиции и др.

2. Под риском уклонения от НДФЛ в России находятся около 40 % налогооблагаемых доходов, в том числе 25–30 % самостоятельно декларируемых налогоплательщиками доходов и 10–15 % доходов в виде оплаты труда, по которым работодатели как налоговые агенты сокращают налоговую базу по страховым взносам в рамках реализации теневых зарплатных схем. Последние сосредоточены в малом и среднем бизнесе.

3. Перспективными направлениями минимизации рисков уклонения от НДФЛ представляются развитие налогового контроля соответствия доходов и расходов налогоплательщика и ограничение на расчеты наличными между гражданами сверх определенной суммы.

4. Сравнительный анализ динамики макроэкономических индикаторов и результатов социологических исследований могут служить для индикативной оценки масштабов уклонения от налогообложения. В России под риском уклонения от НДФЛ могут находиться до 40 % налогооблагаемых доходов граждан, при этом только 30 % граждан пытаются снизить налоговые платежи, в том числе и в рамках легальных методов.

5. Учитывая эффекты изменения подоходного налогообложения в 2001 и 2021 гг. в России, поведенческая реакция уклонения от НДФЛ на введение его пятиступенчатой прогрессии не окажет существенного влияния на налоговые доходы бюджетов. Демпферами уклонения от НДФЛ будут невысокая доля в занятости россиян малого и среднего бизнеса, концентрирующего риски теневизации, сохранение мягкой прогрессии НДФЛ по нетрудовым пассивным доходам, финансовым операциям, усложнение вывода капитала из России в условиях санкционных ограничений, развитие налогового администрирования.

Литература

1. Майбуров И. А., Лабунец Ю. Е. Факторы налогового поведения в сфере подоходного налогообложения // Белорусский экономический журнал. 2021. № 2 (95). С. 5–13. DOI: 10.46782/1818-4510-2021-2-5-13
2. Martinangeli A., Windsteiger L. Inequality shapes the propagation of unethical behaviours: Cheating responses to tax evasion along the income

distribution // Journal of Economic Behavior & Organization. 2024. № 220. PP. 135–181. DOI: 10.1016/j.jebo.2024.02.012

3. Diakomihalis M. Factors of Tax Evasion in Greece: Taxpayers' Perspective // Journal of Tax Reform. 2020. Vol. 6, № 2. PP. 180–195. DOI: 10.15826/jtr.2020.6.2.081

4. Bühren C., Kundt T. C. Does the Level of Work Effort Influence Tax Evasion? Experimental Evidence // Review of Economics. 2014. Vol. 65, № 2. PP. 137–158. DOI: 10.1515/roe-2014-0203

5. Федотов Д. Ю. Уклонение от уплаты налогов как институциональная ловушка // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33, № 2. С. 220–233. DOI: 10.17150/2500-2759.2023.33(2).220-233

6. Campos-Vazquez R. M., Krozer A., Ramírez-Álvarez A. A. Preferred tax rates depend on the rates paid by the rich // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2023. № 104. 102025. DOI: 10.1016/j.jsocec.2023.102025

7. Landier A., Plantin G. Taxing the Rich // Review of Economic Studies. 2017. Vol. 84, № 3. PP. 1186–1209. DOI: 10.1093/restud/rdw033

8. Torregrosa-Hetland S. Inequality in tax evasion: the case of the Spanish income tax // Applied Economic Analysis. 2020. Vol. 28, № 83. PP. 89–109. DOI: 10.1108/AEA-01-2020-0007

9. Alstadsæter A., Johannesen N., Zucman G. Tax evasion and inequality // American Economic Review. 2019. Vol. 109, № 6. PP. 2073–2103. DOI: 10.1257/aer.2017.2043

10. Johns A., Slemrod J. The distribution of income tax noncompliance // National Tax Journal. 2010. Vol. 63 № 3. PP. 397–418. DOI: 10.17310/ntj.2010.3.01

11. Holter H. A., Krueger D., Stepanchuk S. How do tax progressivity and household heterogeneity affect Laffer curves? // Quantitative Economics. 2019. Vol. 10, № 4. PP. 1317–1356. DOI: 10.3982/QE653

12. Volscho T., Kelly N. The Rise of the Super-Rich: Power Resources, Taxes, Financial Markets, and the Dynamics of the Top 1 Percent, 1949 to 2008 // American Sociological Review. 2012. Vol. 77, № 5. PP. 679–699. DOI: 10.1177/0003122412458508

13. Черник Д. Г. К вопросу о прогрессивном или пропорциональном налогообложении доходов физических лиц // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11, № 3. С. 114–120. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-3-114-120

14. Пансков В. Г. Пути минимизации негативной практики сокращения налоговой базы и уклонения от уплаты НДФЛ // Финансы. 2024. № 11. С. 34–41.

15. Пугачев А. А. Совершенствование налогового администрирования как элемент развития налогового потенциала региона // Социальные и гуманитарные знания. 2015. Т. 1, № 3 (3). С. 180–189.

16. Теория и прагматика преференциального налогообложения физических лиц: монография / под ред. И.А. Майбунова. – М.: Юнити-Дана. 2024. 232 с.

17. Пугачев А.А. Оценка поведенческой реакции уклонения от НДФЛ в России на основе анализа макроэкономических индикаторов // Journal of Applied Economic Research. 2024. Т. 23, № 4. С. 951–978. DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.4.038.

Сведения об авторе

Пугачев Андрей Александрович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», Ярославль, Россия. ORCID: 0000-0001-7989-6353
E-mail: andrxim@yandex.ru

RISKS OF PIT EVASION IN THE FRAMEWORK OF THE 2025 TAX REFORM

A. Pugachev

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov,
Yaroslavl, Russia

2025 tax reform increases the risks of PIT evasion due to the increased tax burden due to the introduction of a five-step progression. The possibilities of assessing the extent of PIT evasion are provided by a comparative analysis of the dynamics of macroeconomic indicators and PIT receipts to the budget, as well as an analysis of the results of sociological research. In Russia, up to 40 % of taxable income may be at risk of PIT evasion. The conducted research indicates that the introduction of a five-step progression in itself will not have a significant impact on budget tax revenues due to the high share of employment of Russians in the public sector, as well as in large and large businesses, which are not characterized by shadow taxation; the continued soft progression of PIT on non-labor passive income, financial transactions; the complication of capital withdrawal from Russia in the context of sanctions restrictions; development of tax administration. Compared with the transition to progression, the increased tax burden on small and medium-sized businesses, which are more prone to using shadow schemes, carries more significant risks of PIT evasion.

Keywords: taxation, evasion, behavioral reaction, PIT, 2025 tax reform, equity, macroeconomic indicators, tax deductions.

References

1. Mayburov I.A., Labunets Yu.E. Factors of Tax Behaviour in Terms of Income Taxation, *Belarusian Economic Journal*, 2021, No 2, pp. 5–13. (In Russ.). <https://doi.org/10.46782/1818-4510-2021-2-5-13>.
2. Martinangeli A., Windsteiger L. Inequality shapes the propagation of unethical behaviours: Cheating responses to tax evasion along the income distribution, *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2024, No. 220, pp. 135-181. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2024.02.012>.
3. Diakomihalis M. Factors of Tax Evasion in Greece: Taxpayers' Perspective, *Journal of Tax Reform*, 2020, No. 2(6), pp. 180–195. <http://dx.doi.org/10.15826/jtr.2020.6.2.081>.
4. Bühren C., Kundt T.C. Does the Level of Work Effort Influence Tax Evasion? Experimental Evidence, *Review of Economics*, 2014, No. 2(65), pp. 137–158. <https://doi.org/10.1515/roe-2014-0203>.
5. Fedotov D.Yu. Tax Evasion as an Institutional Trap, *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023, No. 2(33), pp. 220–233. (In Russ.) DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(2).220-233.
6. Campos-Vazquez R.M., Krozer A., Ramírez-Álvarez A.A. Preferred tax rates depend on the rates paid by the rich, *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 2023, No. 104, 102025. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2023.102025>.
7. Landier A., Plantin G. Taxing the Rich, *Review of Economic Studies*. 2017, No. 3(84), pp. 1186–1209. <https://doi.org/10.1093/restud/rdw033>.
8. Torregrosa-Hetland S. Inequality in tax evasion: the case of the Spanish income tax, *Applied Economic Analysis*, 2020, No. 83(28), pp. 89-109. <https://doi.org/10.1108/AEA-01-2020-0007>.
9. Alstadsæter A., Johannesen N., Zucman G. Tax evasion and inequality, *American Economic Review*, 2019, No. 6(109), pp. 2073-2103. <https://doi.org/10.1257/aer.20172043>.
10. Johns A., Slemrod J. The distribution of income tax noncompliance, *National Tax Journal*, 2010, No. 3(63), pp. 397-418. <https://doi.org/10.17310/ntj.2010.3.01>.
11. Holter H.A., Krueger D., Stepanchuk S. How do tax progressivity and household heterogeneity affect Laffer curves? *Quantitative Economics*, 2019, No. 4(10), pp. 1317–1356. <https://doi.org/10.3982/QE653>.
12. Volscho T., Kelly N. The Rise of the Super-Rich: Power Resources, Taxes, Financial Markets, and the Dynamics of the Top 1 Percent, 1949 to 2008, *American Sociological Review*, 2012, No. 5(77), pp. 679–699. DOI: 10.1177/0003122412458508.
13. Chernik D.G. In the Issue of Progressive or Proportional Taxation of Personal Incomes, *Jekonomika. Nalogi. Pravo*, 2018, No. 3(11), pp. 114-120. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2018-11-3-114-120>.
14. Panskov V.G. Ways to minimize the negative practice of reducing the tax base and personal income tax evasion, *Finansy*, 2024, No.11. pp. 34-41. (In Russ.).
15. Pugachev A.A. Improvement tax administering as part of the development of tax potential of a region, *Social'nye i gumanitarnye znaniya*, 2015, No. 3(3), pp. 180-189. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.18255/2412-6519-2015-3-180-189>.
16. *Teorija i pragmatika preferencial'nogo nalo-gooblozhenija fizicheskikh lic*: monografija [Theory and pragmatics of preferential taxation of individuals: monograph], Moscow: Yuniti-Dana, 2024, 232 p. (In Russ.).
17. Pugachev A.A. Assessment of the behavioral reaction of personal income tax evasion in Russia based on the analysis of macroeconomic indicators, *Journal of Applied Economic Research*, 2024, No. 4(23), pp. 951–978. (In Russ.). DOI: 10.15826/vestnik.2024.23.4.038.

About the author

Andrey A. Pugachev – PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.
 ORCID: 0000-0001-7989-6353
 E-mail: andrxim@yandex.ru